

SMS – ЛОВУШКА ДЛЯ МОНАРХА

ГАЛИНА
ГОЛИЦЫНА

Галина Голицына

SMS-ловушка для монарха

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Голицына Г.

SMS-ловушка для монарха / Г. Голицына — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715008-1

Можно ли управлять собственным начальником с помощью СМС-сообщений?
Как вычислить страшного серого волка, унесшего в темный лес красу-девицу?
Почему, круша чужие жизни, можно заодно разрушить свою? Потому что в
жизни всё взаимосвязано. Взмах крыла бабочки может породить тайфун. И
если уж вырыл яму другому – готовься попасть в неё сам.

ISBN 978-0-88-715008-1

© Голицына Г.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Галина Голицына

SMS-ловушка для монарха

*Потухший взгляд глядит уныло-серо,
А у меня в глазах немой вопрос:
– Ты кто?
– Кто я? Утраченная вера.
Прабабка мудрости
И внушка светлых грёз...*

Я получила эсэмэску:

«Жизнь прекрасна, несмотря ни на что! Летиция».

Ну, это спорный вопрос... Но если она считает так – что ж, я безумно рада за неё. И переубеждать не стану. Сама разберётся, рано или поздно...

Летиция – это моя виртуальная подружка. Появилась она не так давно в моём электронном почтовом ящике. Просто возникла там, как вирус компьютерный. Я обычно неожиданные письма уничтожаю, не открывая: вирусов боюсь. Но тут чёрт меня дёрнул именно это письмо открыть. Имя отправителя заинтриговало: Летиция, надо же...

Вируса внутри, слава тебе, господи, не оказалось, а оказался там текст:

«Привет! Давай дружить!»

Занятно... Это что же – «ищу друзей по переписке»? Интересно, в каком классе учится эта Летиция? Надеюсь, не в первом...

Воспитанные люди на письма всегда отвечают. Я считаю себя воспитанной, поэтому ответила:

«Привет, Летиция! А ты уже ходишь в школу?»

В ответ я тут же получила смайлик. Он радостно ржал, осеняя собою текст:

«Не-а, не хожу. УЖЕ не хожу».

«Что, выгнали?»

«Просто я уже большая девочка».

«Насколько большая? Ближе к пенсии, что ли?»

В ответ – снова смайлик. Этот уже не ржал, а улыбался и подмигивал:

«Ой, до пенсии мне – как до Луны пешком... А тебе? Ты вообще кто – тётянька или дяденька?»

«Я вообще-то тётянька. Но уже старенькая. Тебе нужна старенькая подружка?»

Следующий смайлик вытаращил глаза:

«А как тебя зовут, старенькая подружка? И насколько ты старенькая?»

Так, и как же мне назваться? Надо бы ей под стать... Эсмеральдой, что ли, представиться? Изольдой?

«Меня зовут Марта. Для тебя, наверное, тётя Марта».

Следующий смайлик задумчиво свёл бровки шалашиком:

«Ну-у, не знаю даже... Мне двадцать один год. А тебе, тётя Марта?»

«Мне сорок два. Надо же, ровно вдвое больше... Одно радует: ты уже совершеннолетняя, даже по старинным меркам. Так что можешь говорить мне «ты». Раз-решаю».

У нового смайлика были красненькие щёчки и стыдливо потупленный взгляд:

«Спасибо большое. Мне очень нужна старшая подруга для душевных бесед. Не возражаешь, если я буду консультироваться по житейским вопросам?»

«Всегда пожалуйста! А почему бы тебе не советоваться с ровесницами?»

Смайлик презрительно скривился:

«Да ну их... Что они могут знать о жизни? Ещё меньше, чем я».

Да, с этим не поспоришь...

Одним словом, у нас завязалась оживлённая переписка. Правда, в голове у меня гвоздём сидел известный стишок:

Ребята, не верьте девчатам из чата,
У многих есть дети и даже внучата,
Ещё – борода и прокуренный свитер,
И выпито пива, как минимум, литр...

Ох, надеюсь, моя юная подружка – не из таких вот «девчат». А вдруг именно из таких? Господи, зачем я только с ней связалась...

«Марта, я влюбилась!!!»

И вместо подписи – ликующий смайлик.

Я тоже научилась вставлять в текст эти значки-эмоции. Взгляд моего смайлика был полон иронии:

«В первый раз, что ли?!»

«Представь себе, в первый! В этом году... И вообще я всегда влюбляюсь, как впервые, а расстаюсь – так навсегда, вот!»

Понятно, юношеский максимализм... Я-то уже научилась кое-как управлять своими эмоциями. Зато разучилась влюбляться. Закон сохранения в действии: если где-то чего-то убудет, так в другом месте столько же прибавится. И наоборот...

Правда, в последнее время я стала подозревать, что с моими эмоциями творится что-то неладное. Такое впечатление, что меня пронзила стрела Амура. Вот так радость на старости лет! И что с этим прикажете делать? Любовь – это только малолеткам в радость, но уж никак не тётям средних лет... Ну сами посудите: сорокалетняя женщина при виде предмета обожания впадает в ступор, «в задыханьях тяжёлых бледнея». Это ли не тема для анекдота? Тем более что сам предмет обожания ни о чём таком не догадывается, и не дай бог ему догадаться! Нет, он достоин лучшей доли, чем любовь одинокой женщины средних лет... Что ему-то с этим обожанием делать? К чему пристроить?

А что же делать мне? Запретить себе его любить? Не могу я это сделать, не могу...

А может, с подружкой новоявленной посоветоваться?

«Тук-тук! Летиция, ты там?»

«Угу. Чего тебе, Марта?»

Милое начало разговора. И такое обнадеживающее... Ладно, не буду надоедать ей со своими переживаниями, отрывая тем самым от её собственных. Любому человеку приятен разговор либо о нём самом, либо о предмете его страсти. Ну, так и совместим...

«Хочешь рассказать мне о своём... Как это у вас нынче называется? Бойфренд, что ли?»

«Очень хочу! Меня прямо всю так и распирает! А тебе в самом деле интересно?»

«Ага. Валяй, рассказывай. Я вообще-то сейчас книжку собиралась почитать. Про любовь. Но могу почитать твои откровения, раз уж они тоже про любовь».

«А книжка как же?»

«А никак пока. Да что ей сделается? Чай, не убежит... Я вспомнила, что у нас был уговор насчёт мудрых советов. А я свои обещания всегда стараюсь выполнять. Тебе сейчас нужен мой совет?»

«Честно сказать, не особенно. Мне пока что всё понятно. А поговорить о нём я с тобой могу. С большим удовольствием!»

«Он, конечно, красавец?»

Мой смайлик улыбался, но улыбался скептически. Не слишком ли я резка с девочкой?..

«Ну, я не знаю... А так ли уж важно для мужчины быть красавцем? Иногда чудовище намного прикольнее... Но зато у него такие руки!.. Ты себе даже не представляешь, какие у него руки!»

«Попробую угадать... Ласковые, нежные? Или шаловливые, не знающие удержу?»

Её смайлик обиженно опустил уголки нарисованного ротика:

*«Да я совсем не это имела в виду! У него руки **ОЧЕНЬ КРАСИВЫЕ**, понимаешь? Когда они порхают по клавишам, я смотрю на них, как зачарованная. Мне в этот момент ничего не хочется, меня ничего не интересует, мне ничего не надо, – только бы смотреть и смотреть на их порхание...»*

«Он пианист?»

Смайлик, прищурившись, захихикал:

«Скажешь тоже... Он – компьютерщик. Приходит к нам в офис чинить технику. Наша фирма у их фирмы на абонементе. Он много раз, оказывается, бывал у нас в офисе, но я его в упор не видела. Ну, мало ли народу здесь отирается: посетители, курьеры, чьи-то друзья, знакомые, друзья знакомых и знакомые друзей. Бывало, и компьютерщика среди них обнаружешь невзначай... А тут у меня комп полетел. Он пришёл чинить, сел за клавиатуру, чтобы продиагностировать, пробежал пальцами по клавишам, я как это увидела – мама дорогая!.. Я таких красивых рук не видела никогда. Такие руки надо показывать отдельно, крупным планом, показывать их в работе, причём показывать долго-долго... Можно даже продавать видео с их изображением. Если бы у меня было такое видео, я могла бы целый час, не отрываясь, смотреть на это священнодействие... Марта, как ты думаешь: я сумасшедшая?»

Я не стала отвечать тотчас. Тут так сразу не ответишь... Обдумать надо, чтобы не поранить нежную психику. Хорошо, что я не стала навязывать ей свои проблемы. Какое может быть дело до моей осенней любви ей, девочке-весне, влюбившейся в мужские руки?

«Ау, Марта, ты где? Тебе неинтересно?»

Вместо подписи – смайлик, и вид у него обескураженный.

Надо отвечать. Что ж, по крайней мере, у этой «девчонки из чата» вряд ли есть борода и прокуренный свитер, то есть она – это именно «она», а не «он». Потому что только «она» может так беззаветно влюбиться в мужские руки. Ну, или «он» нетрадиционной ориентации...

Вот только этого мне не хватало!

Ладно, не будем думать о грустном, будем надеяться на лучшее.

Пока я так рассуждала, ко мне постучалось следующее письмо. Там не было текста, а был только смайлик – плачущая рожица. Что ж, надо отвечать, утирать эти слёзы.

«Летиция, ты уверена, что влюбилась? Я имею в виду – влюбилась именно в человека? Из твоего рассказа я поняла, что влюбилась ты в руки, а сам человек интересен тебе не так чтобы очень... Или я не права?»

Теперь уже мне пришлось долго ждать ответа. Девушка явно задумалась. А может, и не задумалась вовсе, а заболталась, к примеру, с подружкой по телефону. Могла же ей позвонить

подружка? Или она сама ей позвонила, не в силах больше в одиночку нести бремя этой странной любви к мужским рукам, которая обрушилась на неё так неожиданно...

«Скорее всего, ты права... В самом деле, я влюбилась не в человека, а в его руки. А что это значит? И что мне теперь делать?»

«А ничего не делай. Плыви по течению, оно тебя куда-нибудь да вынесет. Или к берегу прибьёт... Ну, там видно будет».

Она ничего мне не ответила. Переваривает информацию. А хорошо, что я с ней пообщалась. От своих грустных мыслей отвлеклась...

У меня на работе – полный кошмар. Я уже просто не могу видеть свой предмет страсти нежной. И не видеть его тоже не могу. Патовая ситуация, прямо-таки безвыходная. Выход закрыли, выхода нет...

Да чего я так терзаюсь? Вот как наберусь смелости, как подойду к нему, как заговорю! И что из того, что ему тридцать лет, а мне сорок? Подумаешь, какие-то жалкие десять лет разницы... Что такое десять лет по сравнению с вечностью?

Ой, не ври, себе же врешь! А себя разве обманешь?

Я же ведь точно знаю, что мне не сорок лет, а сорок два, и уже скоро будет сорок три. И ему не тридцать, а «что-то около тридцати». Ну, может, лет двадцать восемь. А может, и двадцать семь. Таким образом, разрыв составляет не «какие-то жалкие десять лет», а полновесные пятнадцать, а то и все шестнадцать! Ужас какой... В принципе, я могла его родить, если бы не была в школе такой скромницей. У нас в классе была одна девочка, так ей директриса не позволила доучиться в восьмом классе, потому что животик уже был замечен. Таких, как она (двоечниц и прогульщиц) принято было порицать, а таких, как я (отличниц и скромниц) принято было восхвалять. И что в результате? Аня – так звали ту девочку – в пятнадцать лет стала мамой, в тридцать с небольшим – бабушкой, и теперь её внучка уже в школу ходит – кстати, в нашу же. Анька лет через десять уже правнуков нянчить будет, а я в свои сорок два года мучаюсь от неразделённой любви и отчаянно этой любви стесняюсь.

Интересно, жива ли ещё наша грозная директриса? И что бы она сказала теперь? Какие бы оценки за прожитую жизнь поставила бы нам с Аней? По-моему, я, бывшая отличница, как-то незаметно для себя съехала на двойки, а вот Анютка заслужила пять с плюсом!

И ещё эта напасть: неуёмная любовь к очень молодому человеку. Классический признак старости...

Ладно, хватит думать о своих проблемах, лучше подумаем о чужих: это и интересно, и сердце не так болит. Что-то мне сегодня напишет Летиция?

Господи, ну почему именно «Летиция»? Ленами и Любами мы давно уже быть не хотим, Кристинами и Анжелами тоже уже сыты по горло, нам подавай что-то новое и непременно заграничное. Вот Летиция вполне подойдёт. Эх, надо было мне тоже назваться какой-нибудь Лавинией. Лавиния... Звучит и красиво, и неизбито. Жаль, не додумалась... Пришла на ум только эта самая Марта, да и то потому, что я родилась в марте. Фантазии у меня – ноль. Марта, конечно, красивое имя, но если вспомнить, что на Руси издавна оно произносилось как Марфа... Отчего-то Марфой я назваться не захотела. Теперь думаю – зря. Подружка моя виртуальная выпендрилась на заграничный манер, а я бы вполне могла утереть ей нос, соскользнув в русский фольклор. Не соскользнула, увы...

В электронном ящике меня ожидало новое письмо. Смайлик смотрел жалобно:

«Марта, караул! У меня, кажется, крыша едет вполне конкретно. Я сегодня сломала только что налаженный компьютер. СПЕЦИАЛЬНО сломала, представляешь? Только чтобы ОН пришёл к нам и снова занялся его починкой. Как ты думаешь, мне уже можно идти к психиатру? Или подождать пока?»

«Подожди пока. Может, само пройдёт».

«Так ведь не проходит! Опять я, как последняя дура, стояла и смотрела на его руки. Он что-то у меня спрашивал, а я даже не понимала, что именно. Он, кажется, решил, что я дебиловатая. Удивился, небось, как такой дуре вообще технику доверили. А я смотрю на его аристократические руки, длинные пальцы, идеальный овал ногтей... Смотрю и думаю: я хочу видеть их и завтра, и послезавтра, и вообще хочу смотреть на них всю жизнь! Смотрю и понимаю: я и дальше буду намеренно ломать свой компьютер. И меня просто выгонят с работы. Да фиг с ней, с работой! Главное горе – я же тогда не смогу видеть ЕГО! Эти руки, которые мне снятся уже четыре ночи подряд...»

«Так уж и снятся... А ты не заливаешь?»

«Вот тебе крест святой! Точно снятся, клянусь! Правда, не сами по себе, а по заказу. Я перед сном думать ни о чём не могу, только эту картинку и вижу: компьютерная клавиатура, а по ней бабочками порхают они... В какой-то момент я засыпаю, а они всё порхают и порхают... И я точно знаю, что буду портить машину, чтобы ОН пришёл её чинить. Марта, что мне делать, чтобы не выглядеть полной идиоткой и неумехой в ЕГО глазах и в глазах общественности? Может, для разнообразия выводить из строя чужие компы?»

«С ума сошла, точно! Можешь идти к психиатру, он тебе обрадуется. Может, даже больничный даст. И уж точно поставит на диспансерный учёт. Ишь, чего удумала! Выводить из строя компьютеры, да ещё и чужие! Лучше уж побюллетень с недельку – глядишь, в голове и просветлеет...»

«Ах, это не выход... Ну посижу я недельку на больничном, помучаюсь в одиночестве, общество от меня отдохнёт, – хорошо. Но ведь как только выйду, тут же займусь вредительством. Наперёд знаю!»

«Тогда вот что... Ты в глаза ему посмотри. Если сердце ёкнет – начинай к нему клинья бить. Думай, как его заинтересовать».

«Смотрела в глаза. Не ёкает, хоть ты тресни! А как на руки гляну – так сердце аж заходится! Неужто, и правда, идти к психиатру?»

«Летиция, у тебя на мобильнике фотоаппарат есть? Видеокамера?»

«Ты хочешь получить моё фото на память? Ничего не выйдет, милая Марта. Зачем тебе знать, как я выгляжу? Я же твою фотку не прошу! Вслепую общаться в сто раз интереснее!»

«Согласна. Но мне твоё фото ни к чему. Я другое тебе предложить хочу: когда твой герой придёт в очередной раз исправлять следы твоего вредительства, ты стой рядом и делай вид, что ищешь что-то в своём телефоне. Ну, или в игру играешь. А

сама сними этот процесс на видео. И потом будешь дома перед сном порхание его рук просматривать и балдеть. Сама же говорила: мне бы видео с его руками... Вот и сделай это для себя!»

Ответ пришёл очень быстро, и был он весь облеплен поцелуйчиками и сердечками:

«Марточка, ты самый настоящий друг! Как же я, бестолковая, сама не догадалась?! Я так и сделаю, как ты советуешь! Чмок-чмок-чмок!»

Вот как легко помочь чужому горю!

Моему бы кто помог...

Прямо хоть не выходи на работу! Я, дура старая, тоже влюбилась. И тоже в компьютерщика. Ну, сейчас ведь компьютерщиков этих – как грязи. Пардон – как микробов. Прямо кишмя кишат! Мужчины – особенно молодые – позабыли об остальных профессиях, все поголовно подались в компьютерщики. Так что нам с Летицией (и со всеми прочими подругами по несчастью) выбора просто не оставили. Но в моём тяжёлом случае дело вовсе не в его «музыкальных» руках, а в чём-то совсем другом. В чём-то таком, чему и названия-то нет... Молодой вроде бы парень, и не сказать, что атлет, богатырь, – нет, среднего роста и весьма средней комплекции. Но вот веет от него чем-то таким невыразимо мужским!.. Только подхожу к нему – и сразу чувствую: он и сильный, и умный, и надёжный. Хорошо с ним рядом сидеть. Хорошо с ним рядом стоять. Лежать с ним рядом тоже, поди, неплохо... Словом, хорошо бы рядом с ним прожить всю жизнь...

Может, конечно, это и не так. Но *я так чувствую*... И не гоню от себя это чувство. Куда там... Наоборот – каждую секунду мечтаю припасть к его груди и навсегда остаться там: орден, каким-нибудь значком или просто орнаментом на свитере... Хочу стать футболкой или рубашкой, чтобы с утра до вечера обнимать его плечи, прижиматься к его груди, ласкать его шею, и чтобы он при этом не шарахался...

Вот до чего додумалась!

Работаю я корректором в журнале. Современная редакция – это море компьютеров. Целый океан. Лес компьютеров. Прямо заросли, джунгли какие-то... И если ты не умеешь в них ориентироваться – лучше тебе сюда и не соваться: враз заблудишься, сгинешь, пропадёшь!

Мы сначала тоже были на абонементном обслуживании у какой-то фирмы, но потом начальство наше журнальное смекнуло, что лучше взять одного квалифицированного системотехника в штат, чем бесконечно переплачивать чужой фирме. Это и дешевле, и мастер всегда под рукой, причём именно сегодня, а не завтра-послезавтра. К тому же среди компьютерных «чайников» ходят упорные слухи: нечистые на руку мастера специально делают так, чтобы их вызывали для ремонта и настройки как можно чаще, и таким образом выкачивают нехилые денежки из карманов доверчивых граждан. А если это будет свой человек, сидящий на твёрдом окладе, то и работу он поставит так, чтобы все машины работали у него как часики: тик-так, тик-так...

Что и получилось в нашем случае. Когда наш Эдичка пришёл к нам в штат, все поломки тут же прекратились. Неуправляемые ранее компьютеры превратились в послушные механизмы, управлять которыми можно почти что взглядом. Ну, не взглядом, конечно, но одного ласкового прикосновения вполне достаточно, чтобы машина выполнила команду.

Эдик целыми днями в Интернете сидит, в игры играет. В общем, не работает. Но вот парадокс: чем больше он не работает, тем, значит, лучше он работает. Так всегда бывает с налад-

чиками. У хорошего наладчика всё оборудование налажено. Значит, имеет законное право в рабочее время играть – хоть в домино, хоть в карты, хоть в «Квейк».

Пиликнул мобильник: пришло SMS-сообщение. Конечно, от Летиции. Я дала ей свой номер. А чего ж не дать? Номер куплен в магазине, нигде официально не зарегистрирован, найти по нему владельца невозможно.

«Его руки снова порхают по клавишам, и моя душа порхает по той же траектории!»

Нет, вы только послушайте: «порхает по траектории»! Это ж надо такое придумать... Пойти и мне, что ли, посмотреть на предмет своей страсти нежной...

Эдуард, как всегда, был в гуще сражения. Какие-то монстры гонялись друг за другом по всему экрану.

Я невольно шарахнулась:

– Господи, кто это?

– Гоблины, – ответил Эдик, даже не обернувшись.

– А кто такие гоблины? – отважилась я спросить, надеясь таким образом наладить с ним контакт.

Но мой предмет, соизволив оторвать взгляд от экрана, повернулся всем корпусом, смерил меня взглядом, нахмурился и изрёк:

– Говорю же: гоблины!

Считая, что всё объяснил, он снова погрузился в сладостный мир сказочных сражений. Я для него перестала существовать. Подозреваю, что не только на время игры, а вообще навсегда. И то сказать: что за интерес разговаривать с тёткой, которая даже не знает, кто такие гоблины!

Но меня сегодня не то муха укусила, не то послание Летиции раззадорило. Я решила, что так просто не сдамся. Задам ему ещё какой-нибудь вопрос. Всё равно, какой именно, пускай даже очень глупый. Он же и так считает меня дурой непроходимой, так что хуже не будет.

Раздумывая, что бы такое спросить, я невольно следила за мельканием персонажей на экране. И обнаружила, что среди уродов весьма неприятной наружности то и дело мелькают какие-то маленькие миленькие существа, эфирные создания.

– А кто это? – ткнула я карандашом в такое вот создание.

– Эльфы, – буркнул Эдик, лупя по клавишам.

Я поняла, что содержательного разговора у нас не получится, но уходить не торопилась. Так и стояла за его спиной, пытаюсь угадать, каким персонажем управляет мой любимый.

Монстры кидали друг в друга исполинские камни, сходились в рукопашной, рвали друг друга на части. Битва происходила на таком фоне, который в Библии описывается как конец света: тёмное небо то и дело разрезали жуткие молнии, которые тут же врезались в землю; ураганной силы ветер вдруг возникал неизвестно откуда и сбивал с ног мохнатых чудовищ, а порой даже поднимал их в воздух и с силой швырял о землю. Изредка кошмарный фон слегка украшался: появлялась девочка-эльф, похожая на колибри. Трепеща крылышками, она зависала на месте, прицеливалась и из чего-то выпускала разящие стрелы, точно попадая кому-то из монстров то в глаз, то в макушку. Подленькая такая девочка... Прилетит, прицелится, выстрелит и исчезает. Похоже, что в этом и заключается суть игры: увернуться от стрел эльфа. Кто продержится дольше всех, тот и выиграл, да?

Я стала следить за монстрами. Смотреть на их драки было очень противно, но я себя заставила, и очень скоро уже различала их по внешнему виду. Один был ушастым циклопом. Другой был тоже одноглазый, но не от рождения. Если у первого, ушастого, глаз был один и располагался посередине того места на черепе, что у людей именуется лицом, то у второго

изначально было целых три глаза, но на этот момент остался только один действующий, и ещё две пустые глазницы зияли так зловеще, что мне стало не по себе. Игра, конечно, я понимаю, всего лишь игра, компьютерный мультик, но так жалко этого вот бывшего трёхглазого, растерявшего в боях почти все свои глаза...

А вдруг Эдик играет именно этим монстром? Тогда недолго ему осталось в игре участвовать... Вот сейчас эта подлая девчушка с розовыми крылышками выбьет ему оставшийся глаз, и всё, привет: слепой-то много не навоюет!

А может, Эдичка играет вон тем осторожным чудовищем, которое всё время прячется то за валунами, то за деревьями, высываясь оттуда изредка только затем, чтобы метнуть копье в противника? А противниками здесь, как я поняла, были все у всех.

Ещё какие-то мохнатые уроды то появлялись, то исчезали, но эти трое – ушастый циклоп, бывший трёхглазый и копьеметальщик – всё время были в кадре.

Я спросила своё сердце, к кому из них оно больше тянется. Сердце ответило честно: ни к кому.

Набравшись смелости, я пробубнила в затылок Эдику:

– А ты кем играешь?

– Девочкой, – просвистел он сквозь сжатые зубы.

– Кем?!.

Я от такой новости, что называется, выпала в осадок. Я примеряла к нему всех трёх монстров, а он, оказывается, всё это время был в буквальном смысле слова *над схваткой* и разил противников, трепеща розовыми крылышками?.. Как недавно выразилась Летиция, «порхая по траектории»?

Пока я разбиралась в сумятице чувств, подлая девчушка вылетела откуда-то из правого верхнего угла – в облаке она пряталась, что ли? – и ловко выбила стрелой трёхглазому третий глаз, последний.

К каким последствиям это привело, я смотреть не захотела. Муторно мне как-то стало, совсем тошно. Я ушла подальше от этого потустороннего мира, вернулась в корректорскую, села за свой стол, сложила руки, как прилежная ученица, уронила на них голову и задумалась: может, я порченная какая? Почему я всегда влюбляюсь в людей недостойных? Точно, кто-то порчу навёл, не иначе! Вот и сейчас, пожалуйста: влюбилась в молокососа, у которого ума только-только хватает на игры, да ещё и страдаю по нему! «И веет от него чем-то мужским!» – передразнила я сама себя. А он при этом играет в кошмарную игру, причём играет в образе девочки с розовыми крылышками! Совсем ничего взрослого в этом человеке нет...

А я ещё хотела рассказать о нём Летиции! Вот бы опозорилась...

Дверь скрипнула. Я рывком подняла голову.

На пороге стоял Иннокентий Афанасьевич, наш главный редактор, и одна бровь у него была иронично приподнята:

– Я разбудил вас? Уж простите, бога ради...

Я смутилась, стушевалась:

– Что вы, что вы... Я и не спала вовсе...

– Разве? А что же ещё можно делать, лёжа на столе? Может, вы медитировала?

Ну, это прикол у него такой. Он считает, что от избытка грамотности он может себе позволить некоторую неграмотность, этакую небрежность в речи. Например, такой вот оборот: «Вы сидела и читала». А теперь вот – «вы медитировала». Очень смешно...

– Нет, Иннокентий Афанасьевич, я просто задумалась...

– Ах, вы задумалась... Надеюсь, на производственную тему?

Я закивала:

– Безусловно! То есть практически да...

– Что значит «практически»? – снова поднял он бровь.

– Я думала об Эдике, нашем системотехнике.

– Вот как... И что же конкретно вы о нём думала, позвольте полюбопытствовать?

– Да так... – замялась я.

– Что такое? Вы что-то скрываете? Он что, не починил вам компьютер?

Его брови стали грозно сползаться друг к другу и очень быстро встретились на переносице.

– Что вы, что вы, – зачастила я, – всё он починил! Вернее, мой компьютер и не думал ломаться!

– Так зачем же вам понадобился компьютерщик?

Я вздохнула, опустила очи долу и пояснила вполголоса:

– Амур меж нами пролетел...

– Кто-кто пролетел?... – опешил главный редактор.

Я даже глаз поднять не решилась, только плечами ещё больше поникла.

Макушкой я чувствовала, что главный редактор вовсю буравит меня глазами. Через пару секунд я всё-таки решилась поднять голову и встретить его взгляд.

Он смотрел на меня изучающе, чуть вприщур:

– Лилия Петровна, сколько вам лет?

– Сорок два, – покаялась я.

– И не стыдно? В вашем-то возрасте?

– Так ведь сердцу не прикажешь...

Он выпучил глаза и стал хватать воздух ртом – точь-в-точь как премудрый пескарь, которого удочкой только что выдернули из его спасительной подводной пещерки в непонятный надводный мир. После этого развернулся и бегом убежал из корректорской.

Сам Иннокентий Афанасьевич слывёт у нас убеждённым холостяком. Он считает, что институт брака у нас давным-давно умер, смысла в нём никакого нет, а потому и жениться ни к чему. Нет, не подумайте ничего такого, женщин он любит, но обычно недолго. Один вечер, не больше. А на следующий день снова думает только о работе. Я это знаю со слов коллег, которые наблюдали его «в действии».

Вернувшись домой, я написала письмо Летиции:

«Получила сегодня днём твоё послание. Это подвигло меня на то, чтобы попробовать наладить контакт с человеком, который мне безразличен».

«Ух ты! И как, получилось?»

«Скорее нет, чем да. После этого сидела за столом и переживала фиаско. За этим занятием и застал меня шеф».

«И что? Надеюсь, он ни о чём не догадался?»

«Конечно, ОН не догадался. Я САМА ему рассказала».

Летиция долго молчала, потом прислала сообщение длиной в одно слово:

«Зачем?»

Я тоже помолчала, собираясь с мыслями, потом написала:

«Понимаешь, девочка, я считаю, что лучше всегда говорить правду. Это экономит массу времени и не оставляет места для сплетен. Поэтому правды надо говорить как можно больше. Люди привыкнут к твоей правдивости, и тогда, если уж понадобится соврать, маленькая ложь легко сойдёт за правду».

«Интересная мысль...»

«Ну, я же обещала по мере сил учить тебя взрослой жизни... А что касается моего начальника... Он, конечно, офонарел от такой моей искренности и тут же сбежал из моей комнаты. И поделом ему! В следующий раз не будет задавать лишних вопросов. И ничего другого делать тоже не будет. Например, следить за мной, вынюхивать, подозревать... А теперь чего за мной следить? Я же сама всё рассказала, без утайки!»

Ответом мне была смеющаяся рожица:

«И какова же была реакция блюстителя морали?»

«Брезгливая была реакция. Ему самому такие высокие чувства недоступны, а значит, и нам не положено!»

Потом компьютер я выключила. Не хотелось больше душевного стриптиза. Да и вообще не хотелось больше видеть печатный текст, тем более на экране монитора. Мало, что ли, мне этой радости на работе? Не хватает ещё и дома глаза напрягать...

Перед сном я долго рассматривала две картинки, которые мне подарила Кристина, наша художница. Вообще-то рисует она в основном карикатуры, смешные иллюстрации к фельетонам или к подборкам анекдотов, изредка – образы романтически настроенных девушек к дамским рассказам из серии «как одна принцесса нашла своего принца в супермаркете (на автозаправке, в поликлинике, на курорте и т. п.)». Но для самой Кристины такие иллюстрации – просто работа, которую она делает чисто автоматически. Делает и тут же о ней забывает. А для себя, для души она рисует странные картины.

Более подходящего определения я подобрать не могу, поэтому продолжаю называть их «странными». Изредка она приносит в редакцию кое-что из своих работ: надеется, что главный редактор что-то всё-таки решится дать на суд зрителей, то есть читателей нашего журнала. Но Иннокентий Афанасьевич, наш главный редактор, пока что на такой решительный шаг ни разу не отважился. И каждый раз он говорит Кристине, что читатель наш не готов к пониманию такого «высокого искусства», что простым людям надо всё объяснять, а иначе никто ничего не поймёт. И сколько ему Кристина не объясняет, что *такое* искусство надо не *понимать*, а *чувствовать*, – бесполезно. Даже когда в номере остаются пустоты, он заполняет их любой ерундой, только не её картинами. И она уносит их домой.

Чаще всего она использует классические материалы – холст, масло. Но иногда использует цветные карандаши, фломастеры и даже мелки. Реже – гуашь. А мне сегодня вдруг ни с того ни с сего преподнесла две акварели.

Просто положила передо мной на стол и, пожав плечами, сказала:

– Это вам. На память от меня.

Я всполошилась:

– Ты что же, увольняешься?

– Пока нет, но это может случиться в любой момент.

– Тебе предложили другую работу?

И тут она, наклонившись, шепнула мне на ухо:

– Я выставила свои картины в галерее. Представляете, две из них купили!

Я чуть было не спросила, за сколько их купили. Но глаза её сияли таким победным сиянием, что я поняла: не важно, за сколько именно. Да хоть за пять копеек! Для художника важна востребованность.

Но всё же я осторожно спросила:

– Полагаешь, что сможешь прожить на эти деньги?

Она смущённо улыбнулась:

– Ну, если бы удавалось продавать хотя бы по одной картине в месяц, то... Впроголодь, конечно... Главное – чтобы на расходные материалы хватало.

Она ушла к себе, а я просто спрятала картинки в сумку. Работы у меня было навалом, к тому же – конфликт с начальством. Ну, или почти конфликт... До искусства ли тут? Тем более такого высокого!

И только сейчас, дома, в одиночестве и покое, я достала подаренные листки бумаги и стала их рассматривать.

И опять мне на ум пришло определение «странные». Я, конечно, не такой уж большой специалист в этом виде искусства, однако мне кажется, что Кристинкины произведения – это смесь абстрактной живописи и сюрреализма. В них никогда нет сюжета, нет конкретных фигур или предметов. Это просто настроение. Голубое настроение. Розовое настроение. Или просто белое. Что там Сальвадор Дали по сравнению с нашей Кристиной...

Сегодня одна из картинок была выполнена в бело-голубых тонах, вторая – в красно-чёрных.

Бело-голубая навевала возвышенно-романтическое настроение, создавала в душе уют, покой, вселяла надежду и веру в будущее.

Красно-чёрная же, наоборот, рвала душу на части, кромсала сознание, буквально расчленила его на куски, затягивала в немыслимые водовороты багрового цвета, и сознание устремлялось в кроваво-красную воронку, уходя через неё в чёрную дыру...

Вздрогнув, я отложила – нет, отбросила! – тревожащую душу картинку, и вместе с ней отбросила тревожное настроение.

Снова взяла в руки бело-голубую, и покой снизошёл на меня. Как говорила когда-то моя старенькая бабушка, «будто Господь босиком по душе прошёл»... Надо же, а я ведь не люблю голубой цвет! И синий не люблю, и серый, и даже бирюзовый не люблю, хотя он и считается очень нарядным, очень красивым. А я вот не люблю холодные цвета! Меня всегда в дрожь от них бросает. Люблю тёплые тона, люблю яркие, а в юности всем другим цветам предпочитала красный – и в одежде, и во всём остальном: помада, лак для ногтей, сумка, туфли, авторучки... Мама всегда смеялась, говорила: «Дурак красному рад!».

И вдруг сейчас обнаружилось, что картину, выполненную в моих любимых красных тонах, я отложила подальше и даже прикрыла её недочитанным журналом. А другую картину, выполненную в столь нелюбимых мною холодных тонах, я держу в руках. Держу её, смотрю на неё, и даже представить себе не могу, как же я отведу от неё взгляд...

Нет, определённо, Кристина наша – колдунья! А картинки эти психоделические надо спрятать подальше, потому что они точно – от лукавого...

Следующий рабочий день начался с того, что мне представили новую напарницу – Наташу. Не то чтобы представили, скорее – сообщили о ней. Едва я вошла в дверь, как тут же наткнулась на главного редактора. Он спешил по делам.

Поздоровавшись, бросил мне на ходу:

– Лилия Петровна, радуйтесь: нашли второго корректора. Уже отправил ее к вам в комнату. Так что идите, знакомьтесь. Девушка вроде хорошая. Так что прошу любить и не жаловаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.